

На нефритовом кольце виднелась глубокая трещина, отчетливо заметная, если поднести его к свету.

Цзычэ Уци некоторое время рассматривал кольцо, затем медленно надел его на большой палец правой руки и, подняв руку, снова внимательно взгляделся.

Дунфан, едва заметив это движение, сначала опешил, а затем пришел в такую ярость, что едва не задохнулся.

Его кости еще не остыли, а Цзычэ Уци уже присвоил себе его сокровище!

— Кто этот человек? Он такой... такой невероятно красивый.

Дунфан, кипевший от злости, внезапно услышал, как из его собственных уст вырвались эти слова, словно у какого-то влюбленного глупца. Это было до крайности нелепо.

— Лицемер, зверь в человеческом обличье, — процедил Дунфан. — Что в нем красивого? Это Цзычэ Уци, господин Воци.

— Что?!

Дух ахнул:

— Это он? Тот самый господин Воци?

Прозвище господин Воци было почетным титулом, которым люди наградили Цзычэ Уци. Само название Воци восходило к Трактату о Воци, где говорилось: В восьми построениях четыре считаются прямыми, четыре — чудесными, а остаток — это и есть Воци. Это означало, что четыре построения — Небо, Земля, Ветер и Облака — являются прямыми, а Дракон, Тигр, Птица и Змея — чудесными. Военачальник, который твердо стоит в центре строя, управляя временем и войсками, именуется Воци.

Цзычэ Уци обладал возвышенным темпераментом, словно небожитель, сошедший на землю. Казалось, всё в мире подвластно его контролю. С пятьюдесятью стеблями тысячелистника на поясе он мог предсказывать удачу и беду, и каждое его слово неизменно сбывалось, что в точности соответствовало смыслу его прозвища.

Дунфан никогда не думал, что однажды сам произнесет имя господина Воци с таким благоговением, хотя, разумеется, это было вовсе не его желание.

Но самое невероятное ждало впереди.

Стоило духу дважды повторить имя господина Воци, как Дунфан почувствовал, что теряет контроль над собой. Сознание духа взяло верх: в мгновение ока он проскочил сквозь стену, оказался перед Цзычэ Уци и с глухим стуком рухнул на колени прямо перед его белыми сапогами.

Дунфан был ошеломлен. Он с неверием смотрел на подол фиолетового халата, который, казалось, слегка покачивался перед его глазами...

Дунфан повидал на своем веку немало бурь, гроз и кровавых сражений. Он полагал, что благодаря своему опыту может справиться с любой ситуацией. Но он ошибся.

В голове Дунфана словно гремели петарды, ослепляя его и лишая рассудка. Он видел лишь фиолетовый подол и больше ничего.

В детстве его случалось наказывать коленопреклонением, но это было так давно, что казалось пылью веков. Прошли годы, и никто не мог заставить его склонить колени.

Дунфан и представить не мог, что однажды попадет в такую ловушку из-за какого-то жалкого духа. Если бы люди узнали об этом, они бы смеялись так, что у них повылетали бы все зубы.

— Кто ты?

Голос Цзычэ Уци ничуть не изменился за эти годы. Он стоял перед духом, перед самим Дунфаном.

Дунфан хотел вскочить и бежать, но чем сильнее он нервничал и торопился, тем меньше мог управлять действиями призрака. В конце концов, это тело принадлежало не ему, он был лишь временным постояльцем.

Услышав имя господина Воци, дух бросился вперед, пал ниц перед Цзычэ Уци и, дважды ударившись лбом о землю, взмолился:

— Господин Воци, я молодой глава охранного бюро Пинцяо. Я погиб несправедливо, прошу вас, помогите мне отомстить!

Дунфан едва снова не задохнулся от ярости. Этот дух был совершенно неблагодарным! Он ведь уже пообещал ему отомстить, а тот все равно ищет других. Неужели не доверяет?

На лице Цзычэ Уци не отразилось ни тени удивления. Он произнес:

— Это ты. Я как раз искал тебя.

Дух в изумлении поднял голову, с надеждой глядя на него:

— Вы искали меня? Неужели вы можете мне отомстить?

— Отомстить...

Взгляд Цзычэ Уци на мгновение стал отсутствующим. Дунфан испугался, что его сейчас разоблачат. Он затаился, боясь издать хоть звук, прижавшись к духу. Сейчас он мечтал лишь об одном: чтобы дух поскорее опомнился и убрался отсюда, тогда все проблемы были бы решены.

Цзычэ Уци повторил слово отомстить:

— Ненависть — это то, что легче всего пожирает человеческую душу. Ты понимал это?

Дух, стиснув зубы, промолчал, выражая крайнюю решимость.

Цзычэ Уци откинул подол халата и медленно сел за круглый стол. Не спеша, с грацией, присущей лишь ему, он снял с пояса небольшой тубус, в котором хранилось ровно пятьдесят стеблей тысячелистника — ни больше ни меньше. Цзычэ Уци был человеком педантичным.

Он выложил стебли на стол и провел по ним своими длинными, сильными и бледными пальцами.

Раздался мелодичный звон, словно столкнулись кусочки нефрита. Теперь стебли казались не гадальными палочками, а пятьюдесятью струнами цитры, поющими под пальцами господина Воци.

Цзычэ Уци не собирался гадать. Это было его оружие. Те, кто знал его, помнили, что перед началом боя он всегда совершал этот ритуал — проводил пальцами по каждому стеблю.

В его исполнении это выглядело невероятно эстетично и завораживающе.

Но только Дунфан знал, что это вовсе не ритуал, а обычная причуда.

Проще говоря, у Цзычэ Уци была тяжелая форма обсессивно-компульсивного расстройства. Он сам отобрал эти пятьдесят стеблей: каждый толщиной в тридцать волосков и длиной в шесть цуней, ни на йоту больше или меньше. Все они были железно-фиолетового цвета и идеально прямые.

И хотя стебли казались безупречными, в глазах перфекциониста Цзычэ Уци они были недостаточно идеальны. Ведь стебли — порождение земли, они не могут быть совершенными, даже в своей прямоте. Проводя пальцами по ним, он на самом деле искал тот стебель, который был чуть менее прямым, чтобы использовать его первым.

В юности Дунфан был очарован этим изящным жестом, но когда осмелился спросить об этом своего учителя-дядю, ответ его глубоко разочаровал.

Дунфан подумал, что стоит оценить прямоту Цзычэ Уци, хотя он до сих пор помнил, каким сильным было его разочарование тогда.

Господин Воци снова перебирал свои стебли, но выражение его лица было не сосредоточенным, словно он о чем-то глубоко размышлял.

В комнате воцарилась тишина, но внезапно Цзычэ Уци заговорил:

— И все же, позволить злодеям бесчинствовать — это тоже не поступок человеческий.

Дунфан закатил глаза. Он едва не забыл, что Цзычэ Уци — младший соученик его врага-наставника, и все они были полны высоких рассуждений о милосердии и справедливости.

Дух, широко раскрыв глаза, смотрел на него с новой надеждой:

— Господин Воци согласен помочь мне?

— Сегодня в полночь все прояснится. Не я помогу тебе, просто пришло его время умереть.

Дух не понял его слов, лишь подумал, что господин Воци — настоящий святой. Не только красив и благороден, но и говорит так загадочно, что невольно проникаешься уважением. Неудивительно, что его так высоко ценят.

Дух мысленно восхищался, и это вывело Дунфана из себя. Цзычэ Уци явно отбивал у него работу!

Дунфан уже договорился с духом, что поможет ему, а тот отдаст ему свою энергию. А теперь

дух ищет помощи у Цзычэ Уци — это прямое оскорбление!

Более того, дух в глубине души продолжал восхищаться господином Воци, как влюбленный дурак. А поскольку они делили одну душу, Дунфан чувствовал это так, будто сам искренне преклоняется перед Цзычэ Уци, отчего по его телу бежали мурашки.

Не в силах больше терпеть, Дунфан внезапно отделился от духа, снял заклятие и вернулся в книгу, лежащую в нефритовой шкатулке.

Дух издал удивленный звук, а Дунфан снова стал книгой — не мог ни двигаться, ни говорить, зато теперь ему не нужно было терпеть эти тошнотворные мысли.

Цзычэ Уци внезапно обернулся и посмотрел на духа, а затем перевел взгляд на шкатулку.

Дунфан почувствовал на себе этот взгляд и покрылся холодным потом. Неужели Цзычэ Уци обнаружил его?

Если так, дела плохи. Он не нашел его тела, чтобы надругаться над ним, но нашел его душу. Если его душа будет развеяна, это будет куда страшнее, чем осквернение трупа.

Цзычэ Уци убрал стебли в тубус, взял шкатулку и осторожно открыл её.

Внутри лежала Лунцзя Шэньчжан. Дунфан снова увидел увеличенное лицо Цзычэ Уци и затаил дыхание, не смея шевельнуться.

Цзычэ Уци долго смотрел на книгу, полностью игнорируя духа, стоявшего рядом.

Прошло много времени. Дунфан чувствовал, что его нервы вот-вот лопнут, когда Цзычэ Уци наконец пошевелился.

Он поднялся и сказал духу:

— Ступай.

— Слушаюсь, господин Воци, благодарю за великую милость. В полночь я вернусь, — почтительно ответил дух.

— Не нужно приходить, когда придет время, ты получишь желаемое.

Дух не понял, что он имел в виду, но удалился.

В комнате стало тихо. Остался лишь один человек и одна книга.

Дунфан дрожал от страха, но Цзычэ Уци больше не смотрел на книгу, оставив шкатулку открытой.

Он снял тубус, вынул заколку из волос, затем расстегнул нефритовые пуговицы на поясе.

Дунфан остолбенел. Цзычэ Уци собирался отдыхать и начал раздеваться.

Все говорили, что Цзычэ Уци — небожитель, не знающий земных страстей, но на деле он был обычным человеком. Несмотря на свой благородный вид, он любил вино, хотя пил не очень хорошо, а опьянев, становился тихим и задумчивым.

Кроме того, господин Воци был невероятно сонлив, спал больше любого обычного человека. Говорили, что это из-за тяжелой травмы в прошлом, из-за которой ему приходилось восстанавливать свою душу во сне.

Шкатулка не была повернута прямо к кровати, но Дунфану показалось, что угол обзора слишком уж неловкий!

Хочешь спать — спи, зачем раздеваться догола!

Дунфан не знал, что и думать, когда тот снял фиолетовый халат, а затем и нижнюю одежду...

Внезапно его глаза ослепило, и он поспешно отвел взгляд.

Но в этот момент он заметил на правом плече Цзычэ Уци страшный шрам.

Темно-фиолетовый, неровный, размером с ладонь, он выглядел пугающе на широкой, прямой спине господина Воци.

Дунфан замер. Форма шрама была очень необычной, она напоминала...

Она напоминала цветок темно-фиолетового ландыша.

Точно такой же, как на нефритовом кольце, которое Дунфан носил на большом пальце правой руки долгие годы.

Он никогда не думал, что узор ландыша может выглядеть так жутко.

7. О муках рождения 7

Дунфан неотрывно смотрел на странный цветок ландыша. Фиолетовый ландыш, словно дикий и жестокий узор, расположился на спине Цзычэ Уци.

Учитывая способности Цзычэ Уци, в мире вряд ли нашелся бы кто-то, способный ранить его. Даже если бы он получил рану, он мог бы исцелить себя сам, не оставив шрама. Но здесь, на его спине и плече, отчетливо виднелся этот уродливый след.

Дунфан с изумлением смотрел на шрам, гадая, что за человек или событие могли оставить на Цзычэ Уци такой глубокий след.

Возможно, взгляд Дунфана был слишком пристальным — даже будучи книгой, не имеющей глаз, он все же ощущал это — и Цзычэ Уци что-то почувствовал.

Он обернулся, посмотрел на шкатулку на столе и медленно подошел к ней.

Дунфан был в ужасе: мало того, что Цзычэ Уци шел сюда, так он еще был совершенно голым, ничуть не стесняясь.

Цзычэ Уци без колебаний взял книгу из шкатулки.

Дунфан замер, боясь пошевелиться у него в руках.

Возможно, из-за того, что книга была очень старой, пожелтевшей и тонкой, она легко

сгибалась.

Цзычэ Уци держал книгу одной рукой, и её верхняя часть провисала. Дунфан почувствовал, что его старая поясница в опасности... это принудительное выгибание было просто невыносимым.

Дунфан стиснул зубы, терпя, пока Цзычэ Уци наконец не повернулся и не пошел с книгой к кровати.

Улегшись и укрывшись одеялом, он держал книгу обеими руками, медленно перелистывая страницы.

Дунфан вздохнул с облегчением — больше не нужно было выгибаться, но возникла новая проблема. Когда Цзычэ Уци читал, он постоянно перелистывал страницы, касаясь их, и Дунфану было крайне неловко.

Волосы, лицо, грудь, руки...

Дунфан терпел, чувствуя, как пальцы Цзычэ Уци тыкают его повсюду, даже в самые неловкие места. Его лицо пылало, но поделать он ничего не мог.

Лунцзя Шэньчжан была написана древними письменами, которые обычные люди не могли прочесть, да и в семьях заклинателей мало кто их понимал.

С тех пор как кланы узнали, что Лунцзя Шэньчжан — это секретное руководство по самосовершенствованию и магический артефакт, они начали изучать древние письмена, но до сих пор знающих их были единицы.

А сейчас Цзычэ Уци внимательно изучал текст, его яркие глубокие глаза пробежали по каждому знаку.

Дунфан знал, что Цзычэ Уци — гений, один из немногих, кто понимает эти письмена.

В мире заклинателей была одна известная семья, которая редко появлялась на публике и жила в уединении. Другие презирали их и за глаза называли книжными червями. И на то была причина.

Они гордились своей библиотекой, в которой хранились бесчисленные свитки, и, по слухам, среди них была и Лунцзя Шэньчжан.

Была ли там книга на самом деле, Дунфана не волновало, он знал лишь, что Цзычэ Уци однажды побывал там и по приглашению хозяина просидел в библиотеке целый день.

В той библиотеке были тысячи книг, но Цзычэ Уци прочел их все за один день. Хозяин был поражен и, взяв случайную книгу, решил проверить его, но получил безупречные ответы на все вопросы.

С тех пор хозяин, восхищенный талантом Цзычэ Уци, переименовал библиотеку в Павильон Одного Дня. Благодаря этому имени слава господина Воци среди заклинателей стала еще громче.

Дунфан верил в эту историю лишь на треть. В конце концов, о господине Воци ходили и более невероятные слухи, и со временем они перестали производить на него впечатление.

Дунфан погрузился в свои мысли, как вдруг услышал, что Цзычэ Уци рассмеялся.

Этот смех заставил Дунфана содрогнуться. Господин Воци почти никогда не плакал и не смеялся, его лицо всегда оставалось бесстрастным, как у небожителя. Не то чтобы он не умел смеяться, просто никто этого не видел.

Когда Цзычэ Уци находил что-то интересным, он смеялся, но... это было не очень красиво. Дунфан считал, что ему больше идет лицо без эмоций — улыбка совершенно не сочеталась с его темпераментом.

Цзычэ Уци закрыл книгу, прижал её к груди, положил на неё руку и закрыл глаза, собираясь спать.

Дунфан запаниковал. Цзычэ Уци ложился спать, но не убрал книгу. Это выглядело так, будто Дунфан лежит у него на груди, а Цзычэ Уци крепко его обнимает...

Цзычэ Уци уже закрыл глаза, казалось, он почти заснул, но спустя мгновение тихо произнес:

— Поистине забавно.

Дунфан вздрогнул. Что он имел в виду? Неужели он понял, что он внутри книги?

Нет... если бы он обнаружил его душу, разве не вытащил бы её?

Дунфан призадумался и решил, что Цзычэ Уци говорит не о нем, а о содержании книги.

Эта мысль вызвала у Дунфана желание рассмеяться в голос.

Верно. Все считают Лунцзя Шэньчжан великим сокровищем, но они даже не знают, что там написано.

В книге действительно были заклинания и наставления, но обычный человек не мог их практиковать, так как его тело не соответствовало требованиям.

Там было сказано, что практиковать это могут только мужчины, так как мужское начало — это Ян, а женское — Инь, и между ними есть фундаментальное различие.

Но даже если тело от природы наполнено энергией Ян, этого было недостаточно. Нужно было дополнить его энергией Инь, чтобы достичь гармонии, а это было невероятно сложно.

Поэтому в книге было условие: во-первых, практик должен быть мужчиной, а во-вторых — он должен сначала оскопить себя, чтобы избежать ошибок.

Увидев это в Лунцзя Шэньчжан, Дунфан долго смеялся. Он думал лишь о том, скольких людей убил его драгоценный учитель ради этой книги, сколько жизней погубил. Почему его родители не отдали ему эту книгу раньше?

Если бы они отдали её, было бы так прекрасно!

Все думали, что глава Тридцати шести небесных врат стоит твердо благодаря Лунцзя Шэньчжан, но они не знали, что Дунфан ни за что на свете не стал бы изучать это заклятие.